

Смерть — это тоже приключение.

Дж. М. Барри. Питер Пэн

ПРОЛОГ

В моем календаре очень много умерших людей.

Услышав звон будильника, я выуживаю телефон из кармана штанов-карго. С этой разницей во времени я забыла выключить напоминалку. Еще не вполне очухавшись от сна, я открываю сегодняшнее число и читаю имена: Айрис Вейл, Ким Ын Э, Алан Розенфельдт, Марлон Дженсен.

Я закрываю глаза и делаю то, что делаю каждый день в эту минуту: вспоминаю ушедших в мир иной.

Айрис, ставшая перед смертью невесомой, точно птичка, однажды вывезла на автомобиле своего любимого после ограбления банка. Ын Э у себя в Корее была врачом, но не смогла работать по специальности в Соединенных Штатах. Алан, гордо показав мне урну, купленную для захоронения своего праха, пошутил: «Я пока не успел это примерить». Марлон заменил в доме все туалеты и полы, прочистил водостоки, купил детям подарки на окончание школы и спрятал подальше. Он отвел свою двенадцатилетнюю дочь в танцевальный зал ресторана и прошелся с ней в туре вальса, а я снимала все это на телефон, чтобы в тот день, когда она будет выходить замуж, у нее было бы видео, как она танцует с отцом.

Они были моими клиентами. А теперь стали историями, которые я должна сохранить.

В моем ряду все спят. Я убираю телефон в карман штанов и осторожно, стараясь не разбудить, переползаю через женщину справа — йога для авиапассажиров, — чтобы пройти в туалет в хвосте самолета. Попад в туа-

лет, я сморкаюсь и смотрю на себя в зеркало. Я нахожусь как раз в том возрасте, когда, глядя на свое отражение, надеешься увидеть женщину намного моложе той, что удивленно моргает на тебя из зеркала. Морщинки в уголках глаз чем-то напоминают заломы на потрепанной карте. Если я расплету косу, перекинутую через левое плечо, безжалостный флуоресцентный свет выхватит первые седые пряди в волосах. На мне мешковатые штаны на эластичном поясе: именно такие любая здравомыслящая женщина ближе к сорока надевает перед продолжительным авиаперелетом. Я беру пригоршню бумажных салфеток и открываю дверь, собираясь вернуться на место, но вижу, что крошечная кухонька забита бортпроводниками. Они стоят вплотную друг к другу, чем-то напоминая надушенную бровь.

При моем появлении они сразу замолкают.

— Мэм, — говорит один из них, — пожалуйста, займите свое место.

Меня внезапно пронзает мысль, что их работа не слишком отличается от моей. Находясь на борту самолета, ты не там, откуда начал, и не там, куда направляешься. Ты в межящичном пространстве. А бортпроводник — это сопровождающий, который помогает тебе спокойно преодолеть переход. Как доула смерти, я делаю то же самое, однако в моем случае это путешествие из жизни к смерти, и в конце пути ты не высаживаешься вместе с двумястами пассажирами. Ты уходишь в одиночестве.

Я снова перелезаю через спящую женщину в кресле возле прохода и пристегиваю ремень безопасности как раз в тот момент, когда над головой вспыхивает свет и салон сразу оживает.

— Дамы и господа! — объявляет голос по громкой связи. — Капитан только что сообщил, что мы собираемся объявить плановую чрезвычайную ситуацию. Пожалуйста, слушайте бортпроводников и выполняйте их указания.

Я холодею. *Плановая чрезвычайная ситуация*. Мой мозг пытается переварить этот оксюморон.

По салону пробегает стремительная волна звуков — глухой испуганный ропот, — но ни воплей, ни громких криков. Даже младенец у меня за спиной, надрывно оравший первые два часа полета, молчит.

— Мы сейчас разобьемся, — шепчет сидящая у прохода женщина. — Боже мой, мы сейчас разобьемся!

Она явно ошибается. Нет никакой турбулентности. Все нормально. Но потом в проходе появляются бортпроводники, чтобы исполнить порывистые балетные па, демонстрирующие меры безопасности; одновременно из динамиков разносятся инструкции: «Пристегните ремни». «Когда услышите: „Сгруппируйтесь“, пригнитесь и накройте голову руками». «Когда самолет остановится, вы услышите команду: „Отстегнуть ремни“». «Выходите из самолета». «Оставьте все в салоне».

Оставьте все.

Для человека, зарабатывающего на смерти, я слишком мало задумывалась о собственной.

Я слышала, что, когда наступает твой смертный час, вся жизнь проносится перед глазами.

Но я представляю не своего мужа Брайана в джемпере, вечно измазанном мелом от старых школьных досок в его физической лаборатории. И не дочь Мерит, которая в детстве просила проверить меня, нет ли под кроватью монстров. В моем воображении не встает образ матери — ни на закате ее жизни, ни раньше, когда мы с моим братом Кайраном были детьми.

Нет, вместо них я вижу *его*.

Отчетливо, словно это было вчера, я вижу Уайетта посреди египетской пустыни, палящие лучи солнца падают на его шляпу, на шее грязная полоса от вездесущей пыли, белозубая улыбка похожа на вспышку молнии. Это мужчина, пятнадцать лет назад ушедший из моей жизни. Место, которое я оставила.

Диссертация, которую я так и не закончила.

Древние египтяне верили: для того чтобы обрести вечную жизнь, они должны предстать перед загробным судом не отягощенными грузом грехов. Их сердца помещались на чашу весов богини Маат, на другой чаше которых лежало перо истины.

Сомневаюсь, что мое сердце смогло бы пройти испытание.

Женщина справа от меня тихо молится по-испански. Я отчаянно пытаюсь достать телефон, чтобы отправить сообщение, хотя отчетливо понимаю, что нет сигнала. Однако мне никак не удается расстегнуть пуговицу на кармане штанов. Чья-то рука ловит мою руку и крепко сжимает.

Я смотрю на наши ладони, сцепившиеся так крепко, что между ними, кажется, больше нет секретов.

— Сгруппируйтесь! — кричит бортпроводник. — Сгруппируйтесь!

И пока мы падаем с неба, я спрашиваю себя, кто будет меня помнить.

Уже гораздо позже я узнаю, что после авиакатастрофы, когда появятся спасатели, бортпроводники назовут им число душ на борту. Число душ, а не число человек. Словно они знают, что наши тела здесь транзитом.

Я узнаю, что во время полета забился один из топливных фильтров. Что сигнал о том, что забился второй фильтр, поступил в кабину пилота через сорок пять минут, и, несмотря на все усилия, пилоты не смогли прочистить фильтры, в связи с чем приняли решение об аварийной посадке. Я узнаю, что самолет, чуть-чуть не дотянув до международного аэропорта Роли-Дарем, приземлился на футбольном поле частной школы. Задев крылом трибуны, самолет перевернулся, покатился по полю и развалился на части.

Уже гораздо позже я узнаю, что три кресла в ряду за моей спиной, где сидела семья с младенцем, оторвались

от пола и вылетели наружу. Вся семья в результате погибла. Я услышу о шестерых пассажирах, которые были раздавлены искореженным металлом, и о бортпроводнице, так и не вышедшей из комы. Я прочту имена пассажиров последних десяти рядов, которые не смогли выбраться из поврежденного фюзеляжа до того, как тот загорелся.

Я узнаю, что оказалась в числе тридцати шести человек, чудом сумевших уцелеть в катастрофе.

Ошарашенная, я выхожу из смотрового кабинета больницы, куда нас отвезли. В коридоре женщина в униформе из группы экстренного реагирования разговаривает с мужчиной, у которого забинтована рука. Эта женщина следит за проведением медицинского осмотра, обеспечивает нас чистой одеждой и едой, а также успокаивает обезумевших родственников жертв катастрофы.

— Мисс Эдельштейн? — спрашивает женщина, и я растерянно моргаю, не понимая, что она обращается именно ко мне.

Миллион лет назад я была Дон Макдауэлл. Я публиковалась под этим именем. Но в паспорте и водительских правах стоит фамилия Эдельштейн. Как у Брайана.

В руке у женщины список выживших в авиакатастрофе.

Женщина ставит галочку возле моей фамилии.

— Вас уже осмотрел врач?

— Еще нет. — Я оглянулась на смотровой кабинет.

— Ну ладно. Думаю, у вас наверняка есть какие-то вопросы, так?

Это еще мягко сказано.

Почему я осталась в живых, а другие нет?

Почему я взяла билеты на этот конкретный рейс?

А что, если бы я опоздала на регистрацию и не успела сесть в самолет?

А что, если бы я сделала другой выбор из тысячи имеющихся, что позволило бы мне избежать авиакатастрофы?

И тут я вспоминаю о Брайане и его теории мульти-вселенной. Где-то в параллельном временном измерении есть другая я, которую сейчас хоронят.

И я сразу же — как всегда — думаю об Уайетте.

Нужно срочно отсюда выбираться.

Я понимаю, что произношу это вслух, лишь тогда, когда женщина из группы экстренного реагирования говорит:

— Как только получите медицинское заключение, вы свободны. За вами кто-нибудь придет или мне взять на себя организацию вашей поездки?

Нам, счастливицам, сообщили, что мы получим билеты на самолет туда, куда захотим: или в пункт назначения, или обратно, к месту вылета, или, в случае необходимости, куда-нибудь еще. Я уже успела позвонить мужу. Брайан предложил приехать за мной, но я отказалась. Без объяснения причин.

Я откашливаюсь:

— Мне билет на самолет.

— Конечно, — кивает женщина. — Куда вам нужно лететь?

«В Бостон, — думаю я. — Домой». Но было нечто такое в формулировке вопроса, а именно в этом «нужно» вместо «хотите», что у меня в мозгу, точно струйка дыма, возникает мысль о другом пункте назначения.

И я говорю.

СУША/ЕГИПЕТ

Я слышал песни в древних гробницах,
Возвеличивающие живых
И уничижающие города мертвых.
Но зачем это делать в преддверии вечности —
Царства справедливости и добродетели, где нет страха?
Хаос — это его скверна!
Здесь никто никого не боится,
И в этой земле, где нет противников,
Находят покой все наши семьи
Испокон веков.
И те, кто будет рожден через миллионы и миллионы лет,
Все придут сюда.

*Из текста на гробнице Неферхотепя.
Перевод на английский
профессоров Колин и Джона Дарнелл*

Моя мать, которая до самой смерти была страшно суеверной, перед дальней дорогой всегда заставляла нас с братом хором говорить: «Мы никуда не едем». Таким образом мама хотела обмануть дьявола. Не стану утверждать, будто верю в подобные вещи, но, так или иначе, перед отъездом я не выполнила ритуала — и вот, глядите, куда это меня завело.

Выйти из здания каирского аэропорта в августе — все равно что ступить на поверхность солнца. Даже глубокой ночью жара, обрушивающаяся на тебя тяжелыми волнами, вонзается в кожу острым ножом. По позвоночнику течет струйка пота. К этому я оказываюсь не готова. Я в толпе спящих туда-сюда людей, среди которых помятая группа ошалевших туристов, подгоняемых к минивэну, и подросток, вытаскивающий из тележки на тротуар обтянутый прозрачной пленкой чемодан, и женщина, вступившая в неравную борьбу с ветром в напрасной попытке удержать на голове шарф.

Внезапно меня окружает группа мужчин.

— Такси? — рывкают они. — Нужно такси?

Невозможно скрыть тот факт, что я западная женщина: это с первого взгляда видно по моим рыжим волосам, штанам-карго и кроссовкам. Я киваю, ловлю взгляд одного из них: с густыми усами, в полосатой рубашке с длинным рукавом. Остальные таксисты тотчас же отваливают — чайки в поисках другой крошки.

— У вас есть чемодан?

Я качаю головой. Все мое имущество в сумке через плечо.

— Американка? — замечает таксист и, когда я киваю, расплывается в белозубой улыбке. — Добро пожаловать на Аляску!

Надо же, прошло пятнадцать лет, а этой бородатой шуткой по-прежнему потчуют туристов. Я сажусь на заднее сиденье такси:

— Отвезите меня на Центральный железнодорожный вокзал Рамсес. Сколько времени это займет?

— Пятнадцать минут, *иншаллах*.

— *Шокран*, — отвечаю я.

Спасибо. Поверить не могу, как быстро арабский начал сам собой слетать с языка. Должно быть, в мозгу есть пространство, где хранится информация, которая, по вашему, никогда не понадобится, типа слов песен к фильму «Парк МакАртура», или умножения матриц, или — в моем случае — египетских реалий. Когда Мерит была маленькой, она любила говорить «завчера», что могло означать пять минут назад или пять лет назад. Именно в таком безвременье я и оказалась. Словно я снова вернулась в ту минуту, которую оставила в прошлом, покинув Египет. Словно она все время ждала возвращения.

Окна в такси опущены, и я уже чувствую оседающую на лицо пыль. В Египте все покрыто песком: туфли, кожа; песок в воздухе, которым дышишь. Песок забирается даже в еду. Зубы мумий изъедены песком.

Несмотря на ночное время, жизнь в Каире, городе, полном контрастов, бьет ключом. Автомобили делят скоростное шоссе с повозками, запряженными ослами.

Мясные лавки, с вывешенными на улице мясными тушами, уютно соседствуют с сувенирными ларьками. Мимо проносится маслкар с форсированным двигателем, оставляя за собой кильватерную струю пульсаций рэпа, который смешивается с усиленными динамиками эхом призыва муэдзина на вечерний намаз. Мы едем вдоль берега Нила с томящимися на жаре отбросами. Наконец я вижу железнодорожный вокзал Рамсес.

— Пятьдесят фунтов, — говорит таксист.

В Египте нет фиксированной оплаты такси: водитель просто предлагает вам свою цену за поездку. Я протягиваю ему сорок фунтов в качестве встречного предложения и вылезая из машины. Он тоже выходит и начинает орать на меня на арабском.

— *Шокран*, — отвечаю я. — *Шокран*.

Даже если такие сцены здесь в порядке вещей и никто не обращает на нас внимания, я чувствую, как у меня учащается пульс.

Западному человеку нелегко попасть в Средний Египет. Туристам не положено ездить на поездах, поэтому я не покупаю билет, а дожидаюсь кондуктора и включаю дурака. Но поезд уже в пути, и тут ничего не поделаешь, а потому кондуктор пожимает плечами и разрешает мне заплатить. Несколько часов спустя я выхожу на своей остановке, в Эль-Минье, и обнаруживаю, что я здесь единственный белый человек, да и вообще единственный человек на станции.

Если верить расписанию, я должна была прибыть сюда в 2:45, но поезд опоздал, и сейчас начало пятого утра. Такое ощущение, будто я находилась в пути почти 24 часа. Единственный таксист на вокзале Эль-Миньи играет в какую-то игру на мобильнике. Я стучу в стекло его автомобиля, таксист поднимает на меня глаза. Выглядит он помятым и слегка заторможенным.

— *Сабах эль-хейр*, — говорю я. *С добрым утром*.

— *Сабах эль-нур*, — отвечает он.

Я называю пункт своего назначения — отсюда примерно час езды. Таксист выбирает дорогу по пустыне, идущую на восток от Эль-Миньи. Я смотрю в окно, мысленно пересчитывая *джебели* и *вади* — горы и долины, — возникающие в темноте на горизонте. На пропускных пунктах, где безбородые юнцы держат выдавшие виды автоматы, выпущенные еще в мохнатых шестидесятых, я повязываю голову шарфом и делаю вид, что сплю.

Таксист то и дело украдкой смотрит на меня в зеркало заднего вида. Должно быть, ломает голову над тем, что эта чокнутая американка забыла в самом сердце Египта, где нет обычных туристических маршрутов. Представляю, что я могла бы ему сказать, если бы мне хватило смелости или знания арабского.

Я всегда задаю своим клиентам вопрос: остались ли у вас незаконченные дела? Какое важное дело вам нужно сделать, прежде чем уйти из жизни? И я слышала самые разные ответы: починить перекосившуюся дверь и искупаться в Красном море; написать мемуары и сыграть партию в покер со старым другом, с которым потерял связь. Ну а для меня — все это. Эта пыль, эта зубодробительная поездка, эта выбеленная солнцем лента ландшафта.

В прежней жизни я собиралась быть египтологом. Я влюбилась в египетскую культуру, когда в четвертом классе мы проходили Древний Египет. Я стояла на детской горке — в ушах шумел ветер — и представляла, как пересекаю на фелуке Нил. Самой бесценной вещью для меня был каталог выставки «Сокровища гробницы Тутанхамона», который мама нашла в букинистическом магазине. В старших классах я учила немецкий и французский, так как знала, что эти языки понадобятся для изучения научных трудов. Я подала заявление на поступление в колледжи, где имелись программы по егип-

тологии, и получила полную стипендию для учебы в Чикагском университете.

Все, что я узнала о Древнем Египте, сводилось к двум ключевым темам. Первая — это историческая. В Египте правили тридцать две династии фараонов, царствование которых можно разделить на три временных периода: Древнее царство, Среднее царство, Новое царство. Основателем первой династии был фараон Нармер, объединивший Верхний и Нижний Египет примерно в 3100 году до н. э. Древнее царство известно как время, когда в качестве усыпальниц фараонов строились пирамиды. Однако в 2150-х годах до н. э. в Египте разразилась гражданская война. Весь Египет делился на сорок два административных округа, или нома, возглавляемых номархами. В этот период каждый номарх сражался за свой ном. Номы создавали союзы, однако власть фараона на севере не распространялась на весь объединенный Египет. И там имело место нечто вроде египетской «Игры престолов». Среднее царство возникло, когда около 2010 года до н. э. фараон Ментухотеп II объединил Верхний и Нижний Египет. Такое положение дел сохранялось до тех пор, пока с севера на территорию Египта не вторглись гиксосы, после чего раздробленные области страны оказались под иноземным владычеством. И только в 1550 году до н. э. фараон Яхмос I сумел изгнать гиксосов и объединить все части Египта в единое государство, создав Новое царство.

Вторая ключевая тема — древнеегипетские религиозные верования. В основном они были связаны с богом Ра, который, подобно солнцу, каждый день плыл по небу с востока на запад в длинной лодке — солнечной ладье, и богом Осирисом — владыкой загробного мира. Осирис являлся воплощением мертвого тела бога Ра, и, таким образом, их можно считать двумя сторонами одной медали. Древние египтяне не видели в этом логического противоречия, поскольку и Осирис, и Ра просто-

напросто являлись двумя ипостасями одной и той же вечной жизни, как Святая Троица — Отец, Сын и Святой Дух — в христианстве. Каждую ночь Ра спускался к Осирису и воссоединялся с его мертвым телом, что давало ему новые силы утром всходить вместе с солнцем. Египетская модель загробной жизни воспроизводит этот цикл: душа каждый день возрождается, как бог Ра, и каждую ночь воссоединяется со своим мертвым телом.

Большинство наших знаний о Древнем Египте мы получили путем расшифровки надписей на гробницах. Благодаря этим надписям удалось доказать, что древние египтяне очень тщательно готовились к смерти и к загробной жизни. Даже люди, несведущие в египтологии, наверняка слышали о «Книге мертвых», которую древние египтяне называли «Главы о выходе к свету дня». Этот сборник принятых в Новом царстве религиозных текстов и магических заклинаний помещали в гробницу с целью помочь умершему благополучно совершить путь в посмертие. Следует отметить, что «Книга мертвых» связана с более ранними и менее изученными сборниками заупокойных текстов. Это «Тексты пирамид» Древнего царства: заклинания, призванные отогнать злых существ, слова, которые должен произносить во время ритуала похорон сын умершего фараона, а также указания покойному, как достичь загробного мира. Во времена Среднего царства погребальные тексты писались на саркофагах знати и простых горожан, включая заклинания для восстановления семейных отношений, поскольку смерть разлучала с любимыми людьми; заклинания, помогавшие плыть вместе с Ра на его солнечной ладье к побежденному Апопу, олицетворяющему хаос огромному змею, который пытался выпить всю воду из подземного Нила; заклинания, помогавшие мертвым каждую ночь быть снова с Осирисом.

В «Тексты саркофагов» входила и «Книга двух путей», первая известная нам карта загробного мира. Во време-

на Среднего царства «Книгу двух путей» находили лишь в определенных саркофагах, в основном на днище. На карте были показаны две извилистые тропы, пролегающие по царству Осириса: сухопутный путь (черная линия) и водный (синяя линия), а между ними озеро огня. Если следовать по карте, то для современного человека это равносильно двум вариантам пути: сесть на паром или поехать на машине. Оба пути сходятся в одном и том же месте — в Полях Иалу, где умерший мог вечно утолять голод и жажду с Осирисом. Однако здесь есть и ловушка: некоторые пути никуда не ведут, а другие — толкают вас прямо в лапы чудовищ или в круги огня. В тексте книги приведены заклинания, которые нужно произнести, чтобы миновать стражей врат.

Первым отрывком, переведенным мной из «Книги двух путей», было заклинание 1130: «Всякий, кто знает сие заклинание, уподобится Ра в небесах, Осирису в царстве мертвых, и, когда он окажется в круге огня, да не коснется его пламя во веки веков».

Во веки веков. Нехех и джет. Для древних египтян время двигалось по-разному. Оно могло быть линейным и вечным, подобно Осирису. Или цикличным, с ежедневным возрождением, подобно Ра. Впрочем, одно не исключало другого. На самом деле для достойного посмертия необходимо и то и другое. Саркофаг был соединительной тканью, волшебным аккумулятором, служащим источником энергии для вечной жизни. Большинство египтологов исследовали рисунки и иероглифы в отрыве от реальности, но в свою бытность молодым научным сотрудником я думала о том, что будет, если поместить египтологов в саркофаг с «Книгой двух путей» на днище. А вдруг предназначение мумии внутри — привести в действие магию, словно волшебным ключом?

«Книгу двух путей» обнаружили в саркофагах номархов в некрополе Дейр-эль-Берши — городе мертвых, где на большой площади находится множество вы-

рубленных в скале гробниц знатных людей. После чего было опубликовано несколько версий книги. Пятнадцать лет назад аспиранткой я работала в этом некрополе, пытаясь доказать свои идеи.

Так что же осталось несделанным?

Когда таксист поворачивает на юг, возвращая меня в Дейр-эль-Бершу, я снова смотрю в окно и в очередной раз поражаюсь красоте бездонного неба, зияющего над пустыней. Голубое небо расчерчено розовыми и оранжевыми полосами — предвестниками зарождающегося дня. Мне подмигивает припозднившаяся звезда, которую тотчас же проглатывает восходящее солнце.

Сириус. Я прибыла в Египет в день начала сотического цикла.

Египет расположен в долине, звезды здесь видны, как нигде в другом месте, и древние египтяне отмечали восход созвездий в своем солнечном календаре. Раз в десять дней на заре на востоке появляется новое созвездие, которое не сходило семьдесят дней. Самой важной из звезд для египтян была звезда Сириус, которую они называли Сотис или Сопдет. Восход Сириуса знаменовал собой возрождение, ведь эта звезда появлялась в сезон разлива Нила, после которого оставался ил, удобрявший посеvy. Чтобы отметить это событие, древние египтяне отправлялись на празднования, по дороге нередко оставляя рисунки на скалах. Но чаще всего во время разлива Нила древние египтяне просто пили и занимались сексом. Нечто вроде нашего фестиваля Коачелла.

Уайетт однажды заметил, что древние египтяне на таких фестивалях намеренно напивались настолько, что им хотелось блевать, — тем самым они как бы имитировали разлив Нила. «Эти египтяне, — сказал Уайетт, — умели жить».

Я снова смотрю на небо, чтобы отыскать Сотис. И так же, как древние египтяне, вижу в этом некий знак.

Деревня Дейр-эль-Берша расположена прямо в центре Египта, напротив города Маллави на восточном берегу Нила. В деревню имеют допуск лишь лица, аккредитованные правительством. Столь строгие меры объясняются ущербом от произошедших в древние времена землетрясений и современных мародеров.

Я вглядываюсь в ландшафт и вижу вырубленные в скале гробницы. Дюжины крошечных металлических дверей выстроились в ряд в выщербленном известняке. Все это чем-то напоминает отель в каменных стенах *vadi*. Отель для умерших. Отсюда я даже могу разглядеть гробницу Джехutihотепа II, номарха Заячьего нома. Чуть ниже, закрытая лесами, находится новая раскопанная гробница. Впрочем, никакой активности возле нее я пока не наблюдаю.

Эта гробница не единственное новшество в Дейр-эль-Берше. Чуть южнее древнего некрополя я увидела современные кладбища, которых не было в 2003 году. Возле мечети теперь возникла ярко раскрашенная церковь для христиан-коптов. По насыпным узким дорожкам между полями на берегу Нила ходят крестьяне, кто-то складывает плоские ветви финиковых пальм на повозки. И внезапно мы оказываемся возле Диг-Хауса, общежития археологов. Я расплачиваюсь с водителем, выхожу из такси и оказываюсь в облаке песка.

Общежитие тоже изменилось.

Оно было построено из глинобитного кирпича в 1908 году британским архитектором Джеральдом Хай-Смитом в стиле средневековых коптских монастырей. Крыльцо развалилось еще до того, как я аспиранткой приехала сюда, и тогда никто так и не удосужился привести его в порядок. Но сейчас, как я вижу, крыльцо построили заново.

Около здания не припарковано ни одного транспортного средства. Мертвая тишина свидетельствует о том, что в доме никого нет. Я прохожу мимо рядки с черем-

шой и ржавого велосипеда во внутренний двор. На натянутых бельевых веревках развешены простыни, рубашки и галабеи — длинные, до пят, мужские рубахи с широкими рукавами, которые носят местные жители. Пятнадцать лет назад египетская семья, которая приглядывала за Диг-Хаусом и живущими там египтологами, именно так сушила выстиранные вещи. И наше постельное белье пахло солнцем.

— Эй?! — кричу я.

Здесь нет двери, в которую можно было бы постучать, только арочный проем. Я делаю неуверенный шаг вперед и пугаю кошку. Кошка орет, запрыгивает на растрескавшийся подоконник, оценивающе смотрит на меня узкими глазами и исчезает в открытом окне.

Я иду по длинному коридору, разделяющему жилье местных зрителей и членов археологической экспедиции. Пол, стены, да и вообще все вокруг покрыты тонким слоем песка.

— Тут есть кто-нибудь?! — снова кричу я, но в ответ слышу лишь звуки свинга из хрипящих динамиков в глубине дома.

Я заглядываю в комнату без дверей со сложенными штабелем старыми двуспальными матрасами с принтом в виде Золушки, Белоснежки и Спящей красавицы из диснеевских мультфильмов. Дальше по коридору находится вход на склад — место для хранения всех тех находок, которые мы захотим изучить поподробнее во время следующего сезона. Поддавшись искушению, я переступаю порог полутемного склада с аккуратно подписанными картонными коробками на полках. Внезапно у меня возникает странное чувство, будто за мной наблюдают, и я резко поворачиваюсь. На столе покоится мумия, которая появилась задолго до моего рождения и наверняка останется лежать здесь, когда меня уже не будет.

— Джордж... — Я называя мумию по имени, так же как пятнадцать лет назад все остальные. — Очень рада встрече.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	7
Суша/Египет	13
Вода/Бостон	63
Суша/Египет	114
Вода/Бостон	153
Суша/Египет	199
Вода/Бостон	245
Суша/Египет	301
Вода/Бостон	363
Суша/Египет	406
Вода/Бостон	419
Суша/Египет	440
Вода/Бостон	448
Из Каира в Бостон	458
После	466
Примечание автора	533
Библиография	538